

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Не плачь, Дурында

Я проснулась от боли. Кое-как встала и добрела до ванной. Яркий свет после темноты спальни, режет глаза. Холодные капли воды избавили меня от сонного дурмана, но не от простреливающей, левый бок, боли. Внутри, постепенно разрастается паника, заполняя все мысли. Что-то пошло не так, что-то не так с моим организмом. Надо позвонить мужу. Как не вовремя он уехал в командировку. Делаю шаг по направлению к двери и падаю на колени, ударившись головой о стиральную машинку. Внутри меня как будто стягивают в клубок колючую проволоку. Дышать становится тяжело.

Еще совсем недавно мы с мужем радовались заветным двум полоскам, которые наконец-то показал тест на беременность. Радовались, целовались, смеялись. И я всё думала, скоро сбудется моя заветная мечта — родить сына и назвать его...

— Не плачь, дурында, — явственно слышу голос из далёкого прошлого. Всё кружится перед глазами, а я мысленно переносусь в то время, когда мне было шестнадцать лет.

В открытую створку окна раздалось характерное тарахтение мотора, подъезжающего мотоцикла. Не смогла справиться с искушением и посмотрела через стеклянную поверхность, предварительно спрятавшись за занавеску, чтобы меня никто не смог уличить в подглядывании. Мотоцикл остановился, с сиденья слез высокий широкоплечий парень, одетый в джинсы и кожаную куртку. На голове приметный чёрно-красный шлем, который он снял одним неспешным движением. Лёшка. В груди и внизу живота что-то горячо, болезненно, сладко зануло. Какой-же он, красивый. Тёмные густые волосы, на висках подстрижены коротко, а на макушке длина больше, но всё равно недостаточная, чтобы они завивались в кудри. Зачем природа наградила его такими волосами? О таких густых тёмно-каштановых с небольшой рыженцой локонах многие девчонки мечтают. Лёшка тряхнул головой, поправляя немного примявшуюся причёску, повел широкими плечами. Мне показалось, или он поглядел в окно, за занавеской которого прячусь я? Невольно, ещё сильнее, вжалась в стену. Меня не видно, не должно быть видно! Поправил что-то там на своем железном коне и неспешно, пошёл в соседний двор. Эти неторопливые, наполненные красивой мужской грацией движения заставили замереть, а потом сильнее застучать моё сердце.

Я знала Лёшку всегда, с самого своего рождения. Он наш сосед и друг моего брата. Ещё совсем недавно это был конопатый, рыжий, чуть полноватый мальчишка, над которым все смеялись. «Очкарик» и «пухлый», так дразнили брата и Лёшку, ребята на улице. Не знаю даже, когда всё переменялось... Сейчас, кажется, что это случилось неожиданно и вдруг. В один какой-то момент я посмотрела на него совсем другими глазами... словно в первый раз научившись смотреть. Нет, конечно, всё было не совсем так. Прошло много времени, прежде чем я поняла, почему в его присутствии сердце начинает неровно биться, почему в животе что-то сжимается, вызывая горячий спазм, почему дрожат руки, почему кажется, что не могу надышаться вволю. Лёшка вырос, детская полноватость прошла, теперь это рослый широкоплечий красавец, по которому сохнет полшколы, в которой я учусь. Хотя почему только половина? Почти все девчонки, за исключением совсем малышей, мечтают встречаться с Боровым Лёшкой. О прежнем невзрачном рыжем мальчишке сейчас ничего не напоминает, может только конопушки, которые редкими точками красуются не только на его

лице, но также на плечах и спине. Удивительно, но даже конопушки, не портят его, а лишь придают какой-то мальчишеский задор и весёлость. Впрочем, Лёшка в школе больше не появляется, он уже два курса университета закончил. А мой брат, три. В следующем году мне тоже предстоит поступать в высшее учебное заведение и, если повезет, скоро окончательно выберусь, из нашего дурацкого посёлка, в большой город с большими возможностями. Куда подавать документы, я уже давно определилась. Хотя, чуть раньше, до того, когда всё переменялось, как большинство девчонок мечтала стать артисткой, ну или на крайний случай певицей. Определённый талант, в этой области, у меня есть, притворяться, умею классно. Теперь же у меня одна мечта, к которой я упорно стремлюсь, читая для этого кучу различных книжек по биологии и анатомии — поступить в медицинский. И совсем не потому, что одержима благородной идеей спасать людей, бороться с болезнями и смертью. Если честно — крови, ужасно боюсь, и всегда зажмуриваю глаза, когда вижу, что кто-то поранился. А если не дай бог поранилась сама, то почти всегда бухаюсь в обморок, не переношу вида собственной крови. Дело в том, что на врача учиться, Лёшка. А это уже достаточное основание, чтобы мне загореться идеей, стать медиком.

Придирчиво посмотрела на себя в зеркало. Не уродина конечно, но и ничего особо красивого нет. Чересчур чернявая, широковатый нос, слишком высокий лоб, неидеальная кожа, лицо треугольное. А ведь так хотелось бы иметь широкие рельефные скулы, как у Деми Мур, например. Единственное, что мне нравится в себе, это — большие миндалевидные глаза. Цвет радужки довольно интересный. Там есть лучики зелёного, желтого и коричневого цвета. Конечно, лучше было бы быть обладательницей красивых и ярких, словно полевые васильки, синих глаз, или, как в последнем романе, который прочитала — фиалковых. Но это же только художественная литература, в жизни такие глаза, бывают очень редко, а уж фиалковые, по-моему, вообще из области фантастики. Губы, если присмотреться, пожалуй, тоже хороши, по мне, так слишком большие и не очень чётко выраженные, но мальчишкам ведь это нравится — пухлые губки, бантиком. Если напрячь мышцы лица нос кажется не такой уж и широкий, в нём появляется больше структурности. Да, так лучше! Хотя у меня есть ещё одно чудодейственное средство. Тайное оружие всех женщин — косметика. Брат подарил на день рождения целый сундучок. Чего там только нет: тени разных цветов и структур, румяна, карандаши и подводка для глаз, разнообразные тюбики помады, пудра, тушь и ещё куча других, «необходимых» каждой молодой девушке, вещей. Я долго и много экспериментировала — накладывала макияж, умывалась, потом опять всё повторяла, и так по несколько раз на дню. Теперь я уже знаю, какие краски идут моей смуглой коже. Как нужно подвести глаза, чтобы они казались ещё больше и выразительней, как можно придать большую рельефность губам, и даже как, зрительно, чуть сузить нос.

Вот и сейчас, достала заветный сундучок, опять начав колдовать над своим лицом. А мне ведь, очень идёт — быть накрашенной. Из лица уходит обычность и детскость. Я становлюсь загадочной, почти восточной, почти красавицей. К макияжу добавляю одежду. Меня стройнит новая джинсовая мини-юбка и ярко красный топ, туго обтягивающий грудь. Снова и снова вглядываюсь в зеркальную гладь. Ощущаю целую гамму, противоречащих друг другу эмоций. Я сейчас, очень сильно похожа на тех красоток из журналов и фильмов, на которых засматриваются мальчишки и которым завидуют девчонки, даже несмотря на то, что у меня нет широких рельефных скул и голубых глаз. Только вот, я так привыкла быть постоянно в джинсах, зимой и летом, днём и вечером, что накрашенной, сексуально одетой, ощущаю себя

не в своей тарелке. Трусиха. Боюсь быть, красивой, боюсь быть, другой. Временами мне хочется обуться в чёрные босоножки на высооченном каблуке, которые я зачем-то уговорила купить маму. Пройтись в них, гордо держа голову, по улицам нашего захудалого посёлка. Хочется набраться смелости и показать всем вокруг, и прежде всего ему, что «дурында», так он меня называет, стала прекрасным лебедем, почти красавицей.

Всё-таки притащила чёрные босоножки на высоком каблуке. Одеда. Дефилирую туда-сюда перед зеркалом, пытаюсь ровно и уверенно «нести себя», пытаюсь набраться смелости, для того чтобы сбросить наконец-то такую удобную и привычную «лягушачью шкурку».

Вздрогнула, стук в дверь оказался неожиданным. Ступила в спешке неловко, подвернула ногу. Взыла.

— Марин, открой!

Чёрт, чёрт, чёрт! Лёшка! Что он тут забыл? А я тут кривляюсь перед зеркалом, возомнив себя красавицей.

— Лёш, подожди секундочку! В первую очередь сняла с себя эти дурацкие босоножки. Быстро стащила юбку. Куда я подевала джинсы? Блин, откровенный облегающий топ, тоже надо снять к чертям собачьим. Снова взыла, стукнувшись боком об угол стола. Зато штаны с футболкой нашла. Пара секунд... Всё, справилась.

— Марин, ты чего там, наряды примеряешь?!

Его шутка попала в самую точку. Бегу открывать дверь. Блин! Макияж! Я же накрашена, словно голливудская кинодива. Чёрт, чёрт, чёрт! Какого лешего он притащился сюда, так не вовремя? Умываться очень долго, поэтому напялила на глаза тёмные очки, губы нещадно вытерла первым попавшимся, как назло, светлым полотенцем. Мама будет ругаться, ну и пусть! Распахиваю дверь на всю и замираю. Лёшка стоит в лучах солнца, которое слепит глаза так сильно, что несмотря на очки невольно брызнули слезы... или дело не в слепящих лучах, а в нём, и это он, моё солнце?! Нельзя же быть таким красивым, что обжигает и захватывает дух, а ты превращаешься в скользкое постоянно подрагивающее желе, готовое чуть-что, сползти к его ногам. Небрежно опёрся плечом о косяк двери, стоит внимательно и медленно разглядывая меня, заставляя нервно сглатывать.

— Чего тебе надо? — вышло боле чем нелюбезно.

Его брови восклицательно и немного дурашливо вскинулись.

— Ого, Дурында, сегодня не в духе.

Захотелось ударить ухмыляющееся красивое лицо, но я наоборот улыбнулась вовсю.

«Дурында» — ненавижу, ненавижу, ненавижу это обидное прозвище! Его придумал, когда-то очень давно, мой брат. Наверное, в отместку за то, что был вынужден присматривать за мной, пока родители зарабатывали деньги. Я была настоящей рыбой прилипалой, бегала за ним, как хвостик, а потом всё докладывала маме с папой. Отстань «дурында», уйди «дурында», постоянно слышала я. Впрочем, избавиться от маленькой проныры, было не так-то просто. Мне всегда казалось, что ребята затевают какую-то каверзу и это было страсть как интересно. Когда чуточку подросла, докладывать старшим перестала, а вот таскаться за мальчишками, нет...

— Н-настроение великолепное, п-просто отвлек от дел, — всё-таки обида и раздражение чуть проскользнули в слова. Ни фиги я не умею притворяться.

— Как там Андрей, звонит?

Брат учится на инязе и уехал почти на всё лето в Германию, чтобы там практиковаться

немецкому.

— Звонил вчера, у него всё в порядке. Кажется, надумал влюбиться кукою-то девицу.

— Немку? Это интересно...

В глазах у Лёшки появилось немножко мечтательное и пахабное выражение. Кажется, знаю, что происходит у него в голове, прямо читаю мысли, наверняка там картинки из немецкого порно, за просмотриванием которого я когда-то застала их с братом. Хотя, больше всех тогда смутилась я. Потом целую неделю не могла глядеть на Лёшку не краснея. Боровой же только смеялся, и чтобы усилить до невозможности степень моего смущения, весьма откровенно пялился на мою грудь, вынуждая сильнее сутулить плечи.

— Нет, тоже приехала на практику, кажется она из Питера. Так что, догнал тебя Андрюха, ты влюблен в москвичку, он — в питербурженку.

— Кто тебе сказал, что я влюблен?

Лёшка опять внимательно на меня смотрит, потом убирает прядь моих волос, прикрывающую немножко солнцезащитные очки и глаза под ними.

Дрогнула.

— Р-разве нет? Вы же п-постоянно медляки вместе танцуете, обжимаетесь и целуетесь.

Сколько раз я наблюдала эту картину, исходя завистью и ревностью, как красавица москвичка Людочка обвивает руками его крепкую шею и плечи, трётся о Борового, смотря со значением, точнее с желанием. А Лёшка, совершенно никого не стесняясь, приобнимает её за попу, прижимает к себе как можно ближе и целует прямо в губы.

— Мариш, какой же всё-таки ты ещё ребенок, танцевать вместе и целоваться, не всегда означает влюблённость.

Ага, хотелось бы мне разок испытать на себе, такую, Лёшкину «не влюбленность». Какой он всё-таки, сукин сын! Даже стало немного жаль ненавистную москвичку.

— Да, скажи это Людочке, думаю она будет рада услышать.

Он мгновенно разозлился. Конечно, кому приятны намеки на то, что ты ещё та, сволочь. Взгляд стал колючим, а ноздри расширились.

— Людочка, в отличии от тебя, большая девочка и знает, что к чему. Ты думаешь, у неё в Москве нету хахалей? Да куча, и все перспективные, в отличии... , — замолк.

Смотрю на него потрясённо, бедный Лёшка, а я ведь и не догадывалась какое отчаяние у него внутри. Так это не он с ней, а она с ним, развлекается?

— Лёшенька, прости...

Инстинктивно вскидываю вперед руки, обнимаю Борового, желая утешить и сгладить боль, которую причинила своими нечаянными словами.

— Я ведь не знала, что ты переживаешь...

Неловко прижимаюсь к нему, глажу по спине. И только потом понимаю — я в его объятиях, близко-близко. Так близко, что слышу, как неровно стучит Лёшкино сердце. Замираю и не дышу. Вся напрягаюсь, как натянутая до предела струна.

— Какая же ты дура, Маринка, — шепчет прямо в мое ухо Боровой.

Голос какой-то незнакомый, словно надтреснутый, словно ни у одной меня проблемы с дыханием. Этот шёпот заставил струну, в которую я превратилась, завибрировать, задрожать. Делаю жадный вдох, и с этих вдохом ноздри наполняет, заполняет всю, его запах: смесь одеколona, который я дарила Боровому на день рожденья, немного мужского пота и ещё чего-то непередаваемого присущего только ему одному.

— Лёшка... — уже совсем по-другому шепчу я.

А губы мои сами по себе раскрываются, тянутся к нему. Не знаю, чего я ищущу и чего желаю. Но конечно не того, что последовало. Боровой оттолкнул.

— Дырында, мы с ней просто трахаемся, для обоюдного удовольствия.

Да, всё просто и цинично. Лёшка, ещё тот, бабник. Мне ли не знать. Сколько раз они с братом обсуждали, при мне, своих девчонок.

— Правда, тебе этого не понять, ты ещё маленькая и глупенькая.

Легонько дурашливо щёлкнул по носу. Не отвечаю, просто стою и смотрю на него не в силах отвести глаз, высоко задрав подбородок.

— Ты что там, плакать собралась?

Как он догадался? Одно невидимое движение и мои солнцезащитные очки оказались на голове. Чёрт, я же не хотела, чтобы он видел меня накрашенной. Не хотела? А может наоборот? Взгляд забежал с одной пуговицы Лёшкиной рубашки на другую. Не тут-то было, пальцы Борового клещами вцепились в мой подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза. Какое у него странное выражение лица, не могу понять, ему нравится или нет... Наверное нет... Почему ничего не говорит, долго смотрит и молчит? Плавлюсь под серыми лучами его взгляда, плавлюсь, замерзаю, умираю, воскрешаюсь и всё это одновременно. Интересно о чём Лёшка думает? Если бы можно хоть на секундочку заглянуть в его голову. Узнать, что он чувствует и думает. Разворачивается, уходит, всё так же, ни слова не сказав. А я ещё долго стою со слезами на глазах, и горячей от его прикосновений кожей. Маленькая говоришь?! Глупенькая?! Не буду больше дурындой. НЕ ХОЧУ!!

Решимость стать другой, хотя бы только и в его глазах, горела во мне практически до самого вечера. Потом я опять струсилась и вместо мини-юбки надела джинсы. Хотя конечно, вид в джинсах и на высоких каблуках, тоже кардинально отличается от обычного, когда на мне одеты штаны и кроссовки. Ну же! Давай, не дрейфь «дурында»! Не снимай, оставь красный топик и накрась ярко губы!

Танька — подружка с которой мы собрались на дискотеку, завистливо присвистнула.

— Ого, ты какая. Просто отпад, все парни твои будут!

Мне не нужны все. Мне нужен только Лёшка. Но я для него «маленькая и глупенькая».

Впервые, наверное, наше появление, не осталось незамеченным. Девчонки зашушукались и посмотрели по-особому, возможно признав во мне соперницу, за внимание противоположного пола... Ну надо же! Кто бы мог подумать, что на меня обратит внимание Данила Сиденко. Взрослый, наглый и красивый парень с соседней улицы. Кажется, он на год или даже два старше брата. Подошёл к нам с Танькой, улыбаясь во все тридцать два зуба. Подружка от восторга, дышать перестала. Сиденко потянул меня за руку сказав: «Пошли танцевать, красавица». И я пошла, почему нет? Потом мы с Танькой сидели с ним в баре, болтая о том о сём, попивая сок, обильно сдобренный водкой. Я старалась вести себя, как взрослая, уверенная в себе девушка, старалась шутить и быть остроумной. Кажется, удалось. Во всяком случае, Сиденко не отходил от меня ни на шаг, смотря, более чем заинтересовано. Во мне же, всё больше и больше досады. Ну почему Борового как назло нет? Как хочется показать ему, что «дурында» уже взрослая и на неё обращают внимание парни, которые даже его старше. Я конечно пошла танцевать с Данилой ещё раз, конечно позволила ему прижимать меня довольно близко к себе, конечно обвила его шею руками, когда увидела, что в зал, наконец-то, входит Лёшка, с висящей на его правой руке красавицей Людочкой. И я,

безусловно, улыбнулась Даниле ласково, в ответ на его довольно пошлый комплемент. Боровой нас увидел. Взгляд Лёшки прожёт всё у меня внутри калёным железом. А от его застывшей на губах усмешки — «ну-ну, детка, надев мамино платье ты не стала взрослой», захотелось выть. Данила, видя мою благосклонность, быстро пошёл в атаку, рука с талии переместилась на мою попку. Отвратительно! Хочется ударить этого нахала. Но я делаю совершенно противоположные вещи, приподнимаю подбородок, выпячивая губы, словно приглашая себя поцеловать. «Дурында» выросла, «дурында» теперь взрослая, «дурында» может целоваться с кем захочет!... Отвратительно, мерзко, скользко, влажно! Однако, я позволяю Сиденко мусолить мои губы. Лёшка смотрит! Отчётливо ощущаю это, словно у меня и на затылке есть глаза. Наконец-то закончился медленный танец, наконец-то закончился противный слюнявый поцелуй! Дальше танцую сама, став специально так, чтобы Боровому были хорошо видны все мои телодвижения. Хочется быть сейчас разбитной, сексуальной и даже распутной! Стать, Людочкой, ведь когда она выходит на танцпол, практически все мужские взгляды обращены на неё. Конечно, она столько лет занималась брейк-дансом, а не русскими народными танцами как я. Все, да не все! Данила сейчас смотрит только на меня, Лёшка тоже. Смотрите, смотрите, я ещё и не так могу. Сексуально извиваюсь, приседаю, потом выпрямляюсь, вскидывая вверх руки и снова медленно опускаюсь. Верчу бедрами быстрее и быстрее, точно я жительница Бразилии или Аргентины какой-нибудь. У нас невольно получилась своеобразная дуэль с Людочкой, кто кого перетанцует. Для неё, это ещё одна возможность показать себя и наказать выскочку, попытавшуюся оспорить её статус богини танцпола захудалого поселка. Для меня — всё намного серьёзней. Ведь я сейчас сбрасываю «лягушачью шкурку», избавляясь от своих комплексов и страхов, становлюсь взрослой. Мальчишки засвистели, желая нас спровоцировать на ещё большую откровенность в танце. Боровой хмуро смотрит, смотрит не на Люду, на МЕНЯ. На губах больше нет усмешки. Но и понять расшифровать выражение его лица невозможно. Танец закончился, даже аплодисменты раздались.

Сиденко тянет меня за руку. Его глаза масляные, в нем чувствуется какое-то нетерпение, мандраж. Хочется выдернуть свою руку из его влажных пальцев. Хочется оглянуться посмотреть на Борового, сказать ему одними глазами: «Лёш, не позволяй мне делать глупости». Нет, покорно иду с Данилой. Выходим из здания дискотеки, он оттесняет меня чуть в сторону, прислоняет к стене наваливаясь сверху, целует. Отвратительно мерзко, скользко, влажно! По всей коже побежали склизкие пауки и тараканы. Зачем я здесь с этим незнакомым парнем, который слюнявит мои губы и лапает попу? Упираюсь руками в его плечи пытаюсь оттолкнуть.

— Данила, подожди, не надо!

— Детка, ты такая офигенная, у меня на тебя стоит весь вечер. Чего я тебя раньше не видел? Видел конечно, просто не обращал своего гадкого внимания. Такие вот комплементы вызывают во мне желание кричать «Фи» и вовсю отплеываться. Снова пытаюсь освободиться от неприятных объятий, не тут-то было, Сиденко держит крепко. Попалась, «дурында», маленькая глупенькая «дурында», возомнившая себя взрослой.

— Марин, поехали домой!

За спиной Данилы стоял Боровой.

Лёшечка, Лёшенька, Лёшка. Пришёл за мной, не бросил! Возликовала. Но явное презрение читающиеся на его лице, вмиг погасило радость и подняло во мне бурю негодования.

— Лёш, там Людочка скучает, а меня Данила проводит.

И снова специально подставила Сиденко свои губы. Что я творю, идиотка!!

— Марин, — сколько в этом обращении металла.

Сиденко оторвался от мусоления моих губ.

— Ты чего Боровой, глухой что-ли? Девушка ясно сказала о своих желаниях. Иди отдыхай. Лёшка совершенно проигнорировал выпад противника, а лишь тихонечко, но, с прежним металлом в голосе, позвал:

— Марина, поехали.

Я уж было шагнула к нему, но Сиденко крепко держит.

— Ты ей что, папа? Или сам её хочешь трахнуть?

— Она сестра, Андрея Сысоева.

Данила рассмеялся.

— Кто бы мог подумать, что у очкарика вырастет такая симпатичная сестрёнка.

Мой брат, тоже красивый, хочется кричать мне. У Лёшки же заходили желваки на щеках. Ой. Ой.

— Марина едет домой, найти себе кого-нибудь повзрослее!

— Иди на хрен, она вполне уже выросла, вон какие сиськи!

Руки Сиденко весьма нагло оцупали мою грудь. Я в растерянности, даже не пытаюсь освободиться, просто потрясена самой ситуацией, в которой оказалась из-за своей же глупости. Отвратительно! Лёшка стремительно приблизился. Отталкивает Сиденко от меня. И тут же получает в челюсть. Я визжу. Мамочки, бедный Боровой.

Он орет:

— Марина, отойди!! — и разъярённым быком бросается на моего ненавистного кавалера. Завязалась нешуточная потасовка, и я не пойму кто кого бьёт, и, кто побеждает. Опять визжу. Потом, зажмурив глаза, просто шагнула на них, решив попытаться разнять дерущихся парней, тут же получив весьма увесистый тычок в голову.

— Я же сказал, уйди! — заслоняет меня собой Боровой и пропускает ещё один удар в челюсть, падает. Лёшечка! Ненавижу этого Сиденко! Сама от себя такого не ожидая, размахнулась и отвесила ему увесистую оплеуху. Данилу это окончательно взбесило.

— Шалава малолетняя!! — услышала комплимент в свой адрес.

Он даже замахнулся, но Лёшка опередил, отбросил его со всей силы, свалив на землю. И снова бой. Опять кулаки, маты и мой визг. Они же поубивают друг друга! Бедный Боровой. Наконец-то крики услышали, прибежала куча народа, начали разнимать дерущихся парней, растаскивать в разные стороны. Сиденко матерится, как сапожник, сыпля в адрес Борового угрозами. Лёшка смотрит угрюмо и сплёвывает кровью.

— Не смей к ней приближаться, даже близко!

К Боровому подбегает Людочка, обнимает, гладит по волосам, что-то говорит ласково и заботливо. Не верится даже, что они «просто трахаются».

— Люда, позже поговорим, мне нужно Маринку отвезти домой.

Ликование радостной волной разлилось во мне. Лёшка подрался, из-за МЕНЯ, Лёшка отшил Людочку, из-за МЕНЯ!

— Детское время кончилось, — добавляет Боровой, опять сплевывая кровью.

Одной фразой гася во мне радость и разыгравшиеся было мечты.

Ну и пусть я для него ребенок! Ничего, вырасту, стану сексуальной, умной, красивой! Такой,

что он не сможет пройти мимо, не сможет обозвать меня больше «дурындой».

Боже, как приятно ехать вместе с ним на мотоцикле, обхватив крепко руками за талию, вдыхая его запах, чувствуя своим телом его тело, омываясь воздухом, ветром и рычанием мотора. Ещё сильнее прижалась к Боровому, обхватила словно клещами крепко-крепко. Хочу ехать так, как можно дольше, хочу, чтобы этот миг никогда не заканчивался! Внизу живота, нарастает тепло и томление. И никакая я уже не малышка, знаю — это желание. Трусики, наверное, насквозь мокрые. Моё тело готово, оно хочет познать, что же это такое — быть женщиной, познать с ним, с Лёшкой.

Мотоцикл остановился, мотор заглох. Но мы не двигаемся. Нет, я всё так же крепко обнимаю его, прижимаясь, как можно ближе. Его сердце стучит сильно и быстро, а может так бьётся моё, отдаваясь даже в голове, прижатой к лёшкиной спине. Не могу разжать объятий, не хочу! — Приехали, — тихонько говорит Боровой.

— Дырында, ты что там, уснула?

Опять эта ненавистная кличка. Она словно катализатор для меня! Быстро оказалась на ногах, отстранившись от такого притягательного тела.

— Ага, я помню, «детское время кончилось»!

Голос дрогнул, выдавая обиду. Тоже мне притворюшку нашла. Лёшка вслед за мной слезает с мотоцикла, страдальчески кривится и морщится. Какая же я эгоистка беспросветная, забыла обо всём, кроме себя любимой!

— Лёш, тебе больно?

— Всё нормально.

Какое там нормально, он весь в крови, губы распухли, костяшки пальцев разбиты! Под уличным фонарем возле моего дома всё прекрасно видно. Вид, более чем устрашающий.

— Лёш, пойдем в летнюю кухню, надо ранки обработать и от крови тебя отмыть, тётя Валя если увидит будет в шоке.

Боровой усмехается опухшими кровоточащими губами.

— Мать Тереза, блин. Мозги надо было включать! Сиськи выросли, а ума, нет! Сиденко взрослый парень, который не будет обжиматься по углам, любоваться на звёзды и вздыхать, воспевая твою красоту. как по-другому выразить свою благодарность. — Лёшечка, Лёшка, Лёшенька!

Какое у него тяжёлое дыхание. Теперь моя очередь. А что если, как в том порно? Почему, нет!? Постепенно поцелуи снижаются, теперь мои губы покрывают его живот. Боровой, вздрагивает, мышцы пресса напрягаются. Какая у него приятная кожа, какая у него горячая кожа, какая у него вкусная кожа. Лёшкины глаза прикрыты, когда я, собрав всю свою смелость и наглость в кулак, берусь за пряжку ремня, по его лицу словно проходит судорога. Впервые вижу так близко, реальный мужской член. Во мне сейчас почему-то совсем нет стыда или смущения, тяну к нему руки. Он приятный на ощупь, нежный шелковистый, но твердый и мощный. Что там было дальше? Взять в рот, облизнуть. Когда-то это мне казалось таким пошлым и унижительным, сейчас кажется, естественным. Ведь если любишь человека, хочется целовать его всюду. Осторожно касаюсь губами головки, член вздрагивает под моими губами, Лёшка стонет. Прохожусь языком по всей поверхности, потом плотно обхватываю губами, всасываю в свой рот. Моя любовь солёного вкуса. Округляю губки и скольжу дальше по стволу члена. Лёшкины руки ложатся на мою голову, зарываются в волосы. Давят насаживая сильнее на себя. Ещё один его хриплый стон. Ой, как глубоко! Поперхнулась,

закашлялась, из глаз брызнули слезы. Боровой сразу отпускает.

— Лёш, прости, я научусь.

Тяну к нему руки и губы, собираясь продолжить. Но он отстраняет, отодвигает меня. В глазах явственно читается сожаление и сосредоточенность.

— Нет, Марина, нет!

— Я неправильно делала?

— Не в этом дело, понимаешь... , — впервые вижу нерешительность на его лице, — ... ты всё равно не поймешь.

Застёгивает молнию на брюках и ремень. Его ладони обхватывает мои горящие огнём щеки, смотрит мне в глаза. Лёшка, Лёшенька, я тебя люблю!! Так сильно люблю, что мне хочется кричать об этом во всё горло. Но я даже почему-то шёпотом не решаюсь произнести заветные слова. Однако они жгут, жгут меня изнутри, вырываясь слезами, которые крупным горохом катятся из глаз.

— Не плачь Дурында, — шепчет ласково Боровой и целует в лоб, потом во влажные глаза.

Отстраняется... уходит.

Уходит?! Но почему? Я не понимаю смотрю на его широкую спину. Что я сделала не так?! Чего, я не пойму?! Почему, я не пойму? Боже, я всё испортила!

...

Возвращение в реальность сопровождалось ещё одним витком боли. Я лежу на полу в ванной. Действительность кружится, расплывается, идёт кругами. Это точно ванная? Вон умывальник, из крана которого всё ещё льётся вода. На полу мохнатый белый половичок, стоивший кучу денег. Муж удивлялся: «10 тысяч — за это?». Обречённо вздыхал, но отсчитывал купюры. Кран, надо закрыть кран! Нет, главное позвонить мужу, или Андрею, или в скорую! Встаю, открываю дверь и тут же падаю как подкошенная, теперь уже на полу в коридоре. Окружающие предметы расплываются. Вокруг меня словно закручивается светло-зелёная воронка. Невольно отмечаю, обои в коридоре такого цвета. Пытаюсь подняться, но сил на это нет, в теле не осталось больше костей. Слезы бессилия покатались по щекам...

— Не плачь, Дурында, — снова слышу Лёшкин голос и переношусь на десятилетие назад в своё прошлое, в то лето, когда я так сильно любила...

Опять прячусь за занавеской, который день прячусь за занавеской, подглядывая за Боровым. Его разворот плеч, неторопливые, наполненные уверенностью в себе, движения, сосредоточенное сейчас выражение лица — всё в нём восхищает. Облизнула, вдруг пересохшие, губы. Ну почему он остановился, тогда? Видимо я не сексуальная. Не сексуальная?! А как объяснить его горящий взгляд, дрожащее тело под моими губами? Как объяснить неровное дыхание, стоны и сожаление? Я же видела, чувствовала — ему было тяжело от меня оторваться! Может его возбуждение, просто реакция мужского организма на полураздетое женское тело рядом? Даже если оно принадлежит всего лишь маленькой глупенькой «дурынде».

— Мариш, — зовёт меня мама, отрывая от дурацких мыслей, — сходи к Боровым, тетя Валя обещала мне лекарство в аптеке купить.

Раньше, до того, когда всё переменилось, я была бы рада сбегать к соседям. Люблю Тетю Валю, она такая добрая, гостеприимная, и у них в доме всегда есть что-то вкусенькое. Буквально до позавчерашней ночи, я была бы рада сбегать к соседям, чтобышний раз

полюбоваться Лёшкой и почувствовать опять то сладкое томление в груди и внизу живота, которое возникает каждый раз, когда его вижу. Сейчас ноги не слушаются, словно колодки на них надеты. Страшно посмотреть ему в глаза и понять — он уже забыл тот эпизод в летней кухне. Понять, что это имеет значение только для меня. Как назло, попала на обед. Как назло, Лёшка сидел прямо напротив входа и мой взгляд сразу же наткнулся на него. В груди, внизу живота не просто томление, там словно чертей поджаривают на сковородке. Он посмотрел лишь раз. Но этого хватило для того чтобы забыть зачем я собственно пришла к соседям. Стою застывшей статуей, чувствуя, как краска, горячей волной прилила к лицу. А перед глазами картинка — мы в летней кухне на тахте, и я целую, целую его, постепенно опускаясь вниз.

Наконец смогла разлепить, словно воском запечатанные губы.

— П-приятного ап-п-петита.

И чего я заикаюсь скажите пожалуйста. Барышня кисейная.

— Здравствуй Мариночка, — тетя Валя как всегда сама доброта, — Ты за лекарством пришла? Садись с нами пообедай.

— Н-нет не надо! — замахала я руками, — Я ела, и вот Лёшка говорит, что мне худеть надо.

Боровой, бедненький, даже поперхнулся, не ожидал такой наглости с моей стороны. А нечего, не хочу быть мямлей чуть-что заикающейся! И мне по фиг, что он всё забыл. Было бы что вспоминать! Даже язык показала.

— Лёш, ты что такое несёшь? Марина прекрасно выглядит. Взрослая совсем стала, красавица.

— Ага, взрослая, только ведёт себя, как ребёнок.

— А сам, можно подумать намного старше, Мариш, посмотри подрался где-то. Вон, как разукрасили.

Тётя Валя отвесила Лёшке лёгкий подзатыльник. Он свирепо посмотрел на меня насупив брови, заставив тем самым встрепенуться мою совесть. Знала бы соседка, что подрался он из-за меня, точнее из-за моей глупости.

...

Все-таки я сделала, это! Мне хватило смелости обуть босоножки на высоченном каблуке, мне хватило смелости напялить на себя мини-юбку! Чтобы отрезать себе пути к отступлению, практически все приличные джинсы забросила в стиральную машинку и включила стирку. Вот! Словно сожгла «лягушачью шкурку». Странно, моя неуверенность и скованность исчезли. Я чувствую себя красивой, взрослой, сексуальной. Ну, Боровой, держись! Теперь, как говорится — никуда не денешься, влюбишься и женишься, всё равно ты будешь мой!

Первое, что я увидела, когда вошла в здание местного клуба, это стоящих в фойе, Борового и Людочку. Лёшка присел на небольшой подоконник, Людочка была между его широко разведённых ног. Она обвивала его шею руками, он держал её за попу близко прислоняя к себе. Они целовались. Глаза Борового были полузакрыты, на лице читалось, что-то очень напоминающее блаженство.

Остановилась, как вкопанная.

«Нет... , ты всё равно не поймешь. « — всплывают в голове Лёшкины слова.

Конечно, куда мне понять! Как можно целовать, доводит до оргазма одну, а потом проделывать, что-то подобное с другой? Как можно, забыть так быстро то волшебство, ту красоту, которые была между нами?! «Дурында», глупая маленькая «дурында», одевшая мамино платье, возомнившая себя взрослой и почти красивой. Слезы закипают в глазах...

словно рухнула с небес на землю. Разбилась, разлеталась на тысячи пылающих болью, несбывшихся мечтаний, кусочков. Боровой открыл глаза, увидел, застывшую меня. Ноги словно приросли к полу. Нет бы — улыбнуться, как ни в чём не бывало, сделать вид, что мне всё равно. Стою истуканом не в силах отвести от него взгляда. Какой же он красивый... красивый... сукин сын! Наконец нашла в себе силы сдвинуться с места, оторвать свой взгляд, пытающийся прочитать хоть малейшую заинтересованность на его сволочном лице. Каблуки застучали по бетонному полу. В холле полно народа, а я веду себя так по-идиотски. Не нашла ничего лучшего, как резко развернуться и убежать. Показывая ему, и всем другим невольным наблюдателям, свои чувства и боль. — Дурында! — сзади за плечи хватают, ЕГО руки, останавливая мой истеричный бег.

— Да иди ты... Боровой!

— Куда идти?

— В... К... чертям собачьим!... — хотелось сказать матом, но Лёшке не нравятся ругающиеся девушки. Хотя, теперь мне это до лампочки.

Пытаюсь освободиться.

— Чего тебе надо, Боровой? Отстань от меня!

К нам подбегает Людочка. С удивлением отмечаю, что на каблуках я почти одинакового роста с ней.

— Лёш, что ты постоянно возишься с ней! Детский сад штаны не лямке.

Боровой кривится словно ему неприятны её слова, а может она, или я, а скорее всего сама ситуация.

— Люд, извини, мне нужно поговорить с Мариной.

— Лёш, ты совсем сбрендил?! — несколько визгливо кричит Людочка.

Ничего в ней нет красивого, злобно констатирую я про себя.

— Люда, потом разберёмся, не устраивай истерик.

Мы уходим, уезжаем. И радость, любовь к нему, бурным потоком возвращаются и бушуют во мне. Того и гляди выплеснуться из берегов... Я опять обнимаю его спину, а ветер, нещадно треплет волосы за спиной, снова рёв мотора в ушах, и миг, окончание которого ждёшь с сожалением. Если бы можно было ехать так бесконечно. Нет, время течёт ужасающе быстро! Ого! Лёшкина рука, когда мы остановились, случайно прошлась по моей не прикрытой одежде, ноге. Жадно вдохнула воздух. Кипение, которое уже давно было во мне, когда Боровой поблизости, усилилось стократно. Лицо Лёшки выражает нетерпение прикоснуться, почувствовать тела друг друга. А может я плохой физиогномист?

— Лёш, — тяну я к нему руки.

— Пойдем в летнюю кухню, — голос ровный, но и в нём чудится мне, скрытое желание.

Ха-ха-ха. Да я последнее время есть не могла, потому что, садясь за стол постоянно смотрела на тахту, постоянно видела там наши сплетённые тела. Налетела на него в темноте, воспользовавшись ею, обвила его шею руками. Губы впились в Лёшкины губы. Он дрогнул и застонал. О, этот стон! Самое чудесное, что мне приходилось слышать. Поглотила его в себя, опьянела им! А пьяной можно творить всё что угодно, в том числе прижиматься близко-близко, тереться низом живота о него, натываясь на доказательство ответного возбуждения. Дух захватывает от своей смелости, дух захватывает от наших поцелуев.

— Лёшечка, Лёшенька, Лёшка, — шепчу я, стону прямо ему в губы.

И он тоже пьянеет, мы вместе пьянеем. Вот уже его руки жадно и несколько сумбурно

изучают моё тело. Вот уже я совершенно бесстыдно скольжу пальчиками прямо по его коже под футболкой. Но когда взялась за молнию Лёшкиных брюк, руки Борового легли на мои дрожащие пальцы, мешая моей неизвестно откуда взявшейся смелости, двигать дальше.

— Дурында, так нельзя.

— Как нельзя?

— Пойми я не могу.

— Почему не можешь?

— Ты еще маленькая.

— Разве? Всего лишь на три года младше тебя, — опять тяну к нему руки.

Он не даёт мне приблизиться, схватив меня за локти и держа на расстоянии. Дышит тяжело.

— Нет, Марин, нет. Прекрати меня провоцировать. Я не железный в самом деле.

— Почему нет? Почему?!

— Я не могу с тобой, ты сестра Андрея.

Из моего рта стали вырываться истеричные неконтролируемые хихиканья.

— ... и не только это, ты мне, как сестра, ты несовершеннолетняя. Я хочу, чтобы у тебя было всё по-другому, с любимым человеком, когда вы оба будете готовы, а не быстрый перепих на кухне, оттого, что в молодом девичьем теле, гормоны взбунтовались.

Хихиканье прекратилось, и теперь слезы из глаз. Лёшка, Лёшенька, я тебя так сильно люблю, что мне хочется кричать об этом на все горло, но только шёпот вырывается изо рта.

— Лёш, я люблю, Лёш я хочу... тебя только. И мне всё равно, как это будет — по-быстрому на кухне, или, как в красивых романах. Да хоть в кустах. Главное, чтобы это ТЫ был.

— Дурында, моя Дурындочка, — говорит он ласково.

Неужто это правда? Правда, то что выражает сейчас его лицо. Боюсь поверить. Руки Борового отпустили мои локти. Дышать нечем, шипение заполнило всё внутри. Что же творят его руки, прислонившие меня к дверце холодильника и бьющие током по такой чувствительной коже внутренней поверхности бедра. Ноги раздвигаются сами собой, губы раскрываются, ища мягкость и жар Лёшкиных губ. Зарывшись пальцами в волосы друг друга, неистово целуемся, так что горят губы.

— Ахм, — судорожный вдох.

Лёшка слава богу не нежничает со мной, а ведёт себя, как знающий и уверенный в своих действиях мужчина. Пальцы проникают под ткань трусиков. Выгнулась дугой в его руках. У него просто волшебные руки, они успевают всё и везде, сдавливать сосок моей правой груди, ласкать бусинку клитора и влажную, готовую к проникновению, но ещё девственную дырочку. Подхватывает меня, отрывая от пола, несёт на тахту. Лихорадочно избавляем друг друга от одежды. Какой он красивый обнажённый, хочется расцеловать каждую его впадинку, каждый мускул, каждую конопушку, каждую выпуклость. Лёшка совершенен.

— Дурында, ты восхитительная, — вторит Боровой моим мыслям и целует, покрывает жалищими поцелуями моё запрокинутое лицо, шею, груди. Задыхаюсь, так остро тело реагирует на движения его пальцев и губ. Он сосредоточился на ласках клитора. Заметалась по тахте, так что ему пришлось прижать меня, чтобы продолжить. Всё тело напряглось. Я дуга, струна, натянутый лук! Захрипела, когда почувствовала предоргазменную волну.

— Лешааааааааааааааааааааа!!.

Не сразу поняла откуда взялась боль. Боровой вошёл в меня сразу и полностью, наверное, ему было легко, от его ласк вся мокрющая. Сделал меня женщиной одним ударом, в тот

К Боровому не пускают посетителей, он лежит в реанимационном отделении. Но тетя Валя, в ответ на мои постоянные просьбы, уговорила врачей и медсестёр пустить нас ненадолго. Ноги не слушаются, подгибаются. Андрей, тоже переживает, вон какой у него хмурый, сосредоточенный вид.

У входа в отделение нас встретила тётя Валя. Она выглядит изможденной и постаревшей. Из неё ушла обычная веселость и добродушность, которая всегда восхищала меня в этой женщине. Тётя Валя, тетя Валечка. Хочется броситься к ней на шею, утешить, и может самой получить утешение. Но сейчас на её лице отчуждённость. Словно она не хочет пускать нас в своё горе, словно мы чужие, словно я не смогу, понять её. А ведь последние несколько недель до аварии, тетя Валя называла меня не иначе как невестушкой... Рёва–корева. Слёзы опять выводят бороздки на моих щеках.

— Марина, прошу тебя, только без слёз. Улыбайся и говори как обычно... как до аварии. Киваю головой в знак согласия и вытираю глаза, рукавами тонкой кофточки. Лешка изменился. Похудел, черты лица заострились. Наверное, поэтому он кажется сейчас старше, лет на пять, а может на целый десяток. В нём тоже чувствуется некоторая отчужденность, будто ему даже неприятно видеть нас с Андреем. Он накрыт до пояса одеялом, руки по швам, на шее жесткий корсет.

— Привет, дружище. А ты не плохо устроился, я посмотрю, олигарх прямо. Палата отдельная. Боровой криво улыбается на шутку брата. В улыбке нет прежнего задора свойственного Лёшке. А я растерялась, пролепетав что-то типа «Здравствуй», стою истуканом, пытаюсь сдержать рвущиеся наружу слезы. А руки сжимают и сжимают пакет с вкуснейшими яблоками из нашего сада, который я позабыла отдать тёте Вале. Какой-же он красивый мой Лёшка. Даже сейчас с печатью травмы на теле, такой серьёзный и сильно повзрослевший, он для меня самый привлекательный мужчина на планете. Андрей рассказывает какие-то наши поселковые новости, которые звучат в этой палате, пропитанной лекарствами и напичканной всякой медицинской техникой, такими мелкими и незначительными. Боровой улыбается, точнее кривится. И почему-то не смотрит на меня. Подхожу, сажусь на стул возле его кровати. Каким глупым кажется этот разговор, когда все боятся касаться вещей, действительно важных. Поэтому я молчу или может боюсь открыть рот и в своей горячности наговорить много ненужных лишних слов. Притворщица из меня, сейчас, никудышная.

Лёшка наконец взглянул. Ласково, задорно, по-прежнему.

— Мариш, одни глазищи остались. Кушай больше.

И эта фраза вмиг разрушила те шаткие остатки спокойствия, за которыми я скрывала свои эмоции. Схватила его безжизненную руку, целую, а долго сдерживаемые слёзы текут по щекам. Тётя Валя смотрит неодобрительно. Андрей всё так же пытается делать вид, что ничего ни с кем из нас не произошло.

— Лёшенька, я так тебя люблю! — совершенно не к месту брякаю я.

Смотрю в его глаза, в них нежность, целое море нежности. Указывает взглядом на дверь, тётя Валя с Андреем без слов понимают его и выходят. Дальше было всё сумбурно... Целую его руки, губы, лоб, волосы.

— Лёш, ты обязательно выздоровеешь, встанешь на ноги... вот и футбольная команда тебя ждёт. Мы поедем вместе с тобой на мотоцикле к морю и в горы. Помнишь, ты мечтал?

— Я тебя люблю, очень-очень сильно люблю!

Говорю, говорю, говорю и боюсь, что мои слова покажутся ему фальшивыми, пустыми,

сказанными в порыве жалости. Вон он какой отстраненный, чужой. Замолкла, слезы льются из глаз. Пытаюсь взять себя в руки, раздраженно вытираю их уже влажными рукавами кофточки. Но они всё равно текут.

— Не плачь Дурында, слышишь, не плачь, — говорит ласково Боровой, — Я всегда буду с тобой, когда тебе плохо... Не плачь...

...

— Лёшенька, Лёшечка, Лёшка... Стены коридора всё продолжают свой диковатый языческий танец вокруг меня. Боль немного отступила.

В ту ночь Боровому стало плохо, он опять впал в кому. На следующее утро нас к нему не пустили. Тогда была последняя моя встреча с ним. Когда мы с Андреем пришли в больницу через день, то увидели тётю Валу с повязанным на голове чёрным платком. Всё было понятно без слов. Помню, как я резко развернулась и побежала. Я бежала, бежала, бежала, бежала.

Пытаясь убежать от страшной правды. Я наскакивала на людей, даже падала и тут же поднималась, и снова бежала, стремясь опять продолжить своё сумасшедшее движение.

Быстрее, быстрее, и может я смогу так взлететь, раствориться в этом воздухе, небе, перестать существовать, перестать чувствовать боль.

— Марина стой, постой тебе говорю!

Конечно Андрей бежит следом. Но я не могу остановиться, не хочу осознавать, что больше никогда не обниму Лёшку, не увижу его задорной улыбки, не почувствую его губы и руки на своём теле, не услышу ласковое «дырындочка моя». Бросилась через дорогу. Может быть какая-нибудь машина завершит начатое. Нет, Андрей догнал, увёл с проезжей части, мне повезло, поток автомобилей был небольшой.

Прошло уже больше десяти лет, а я всё помню, словно это было только вчера... Колючая проволока опять начала закручиваться в животе. Предметы расплываются, теряют свой контур. Что-то пошло не так, что-то не так с моим организмом...

— Лёшенька, Лёшечка, — зачем-то шепчу я.

Как будто он меня может слышать...

Нужно позвонить! Позвонить, бьется в голове мысль. Телефон. Пытаюсь ползти по направлению к входной двери. Там на тумбочке в сумочке лежит мой телефон. Я кажется ползу... только почему-то расстояние не убавляется... Нужно ещё попробовать, пока есть немного сил, пока я в сознании... ползу... Тяну руки... нет далеко... ещё чуть-чуть, ещё немного... нет не получается... Слёзы отчаяния застилают глаза...

— Не плачь, Дурында, не плачь...

Лёшка, Лёшенька, Лёшка!... Протягивает руку, в ней телефон, до которого я не могла дотянуться. Он пришёл, он не бросил меня... как и обещал!

...

— Доктор, она будет жить? — спрашивает интеллигентного вида мужчина в ординаторской гинекологического отделения.

— А вы кем доводитеесь пациентке?

— Брат... муж, скоро подойдет... он был в командировке.

— Что я могу вам сказать... операция прошла хорошо. Внематочная беременность, разрыв фаллопиевой трубы, сама по себе эта операция не очень сложная... но у неё было обильное внутреннее кровотечение, что очень сильно усложняет дело. Поэтому прогнозы пока давать рано. Состояние стабильно тяжелое... Если переживёт сегодняшнюю ночь, всё должно быть в

порядке.

Врача вызвали к следующей пациентке, а мужчина ещё долго ходил по коридорам больницы, иногда повторяя шёпотом — «Дурында, живи!»